

ЗАЧАРОВАННОЕ МЕСТО

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ, МЕДИАГРАМОТНОСТЬ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Анна Новикова

**Зачарованное место.
Медиапотребление,
медиаграмотность и историческая
память сельских жителей**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2021

УДК 316.775.4
ББК 76.032

Новикова А. А.

Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность и историческая память сельских жителей / А. А. Новикова — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2021

ISBN 978-5-7598-2288-2

Эта книга объединила под одной обложкой результаты междисциплинарного научного исследования, проводившегося Лабораторией медиаисследований ЦФИ НИУ ВШЭ в 2012–2014 годах, журналистские наблюдения и эссе участников экспедиций, а также большие фрагменты интервью с сельскими жителями. Полевая часть исследования проходила в период значительного усиления вовлеченности технологий в жизни людей в сельской местности. Мы зафиксировали важный этап трансформации медиасферы – ситуацию перехода на цифровое многоканальное телевидение в различных регионах и начало формирования новых (цифровых) практик медиапотребления. Кроме того, в книгу вошли актуальные рефлексии исследователей о влиянии описанных процессов почти десятилетней давности на уровень медиаграмотности и социальной удовлетворенности сельских жителей.

Коллективная монография завершена и издана при поддержке Центра цифровых культур и медиаграмотности НИУ ВШЭ. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 316.775.4
ББК 76.032

ISBN 978-5-7598-2288-2

© Новикова А. А., 2021

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2021

Содержание

Предисловие первое. Не совсем научное	7
«От печки...». Как появилась эта книга?	7
«Оцифрованная» память	10
Как устроена эта книга?	12
Источники	13
Воспоминания	14
Впечатления	17
Предисловие второе. Научное	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность и историческая память сельских жителей

Рецензенты:

кандидат филологических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» *А. Н. Архангельский*;
доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета *Р. В. Даутова*

Авторский коллектив:

А. Г. Качкаева (Предисловие 1, Заключение), *И. В. Кирия* (Предисловие 2, гл. 1, 6),
А. А. Новикова (Предисловие 1, гл. 2, 5, 8, 9), *Е. В. Петрова* (Предисловие 2, гл. 1, 4, 6),
В. П. Чумакова (гл. 1, 3, 5, 6, 7, 8)

Под редакцией

А. Г. Качкаевой, А. А. Новиковой

© А. Г. Качкаева, И. В. Кирия, А. А. Новикова, Е. В. Петрова, В. П. Чумакова, 2021

Предисловие первое. Не совсем научное

«От печки...». Как появилась эта книга?

Магическое слово *цифровизация* за последние 20 лет превратилось в символ *будущности*, независимо от того, что в него вкладывают «цифровые оптимисты» и «цифровые пессимисты».

В России «переход телевидения в цифру» профессиональное сообщество телерадиовещателей и профильные ведомства начали активно обсуждать в начале нового – XXI – века. Почти 15 лет назад государственная программа будущей цифровизации отрасли стала обретать первые контуры (ее первая версия была опубликована в 2007 году). Как раз в это время некоторые из нас¹ вместе с аналитическим центром Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ) работали над книгой об опыте «перехода на цифру» в России и мире, специально для которой компания РОМИР проводила комплексное исследование населения России в целом и Мордовии в частности о восприятии цифрового телевидения. В аграрном регионе срединной России (как, впрочем, и во многих других сельскохозяйственных территориях нашей страны) из-за низкого качества приема обычного эфирного телевидения и крайне ограниченного числа каналов телевизор, как рассказывали тогда селяне – первые обладатели цифровых телеприставок, «казал» две программы «с мурашками». В 2005 году контуры программы цифровизации еще только проступали в первых дискуссиях связистов, вещателей, владельцев сотовых компаний и государственных ведомств. «Мордовский эксперимент» на свой страх и риск запустила региональная компания ОАО «ВолгаТелеком». В результате приставки, позволявшие принимать цифровое телевидение (более 20 тематических каналов), которые можно было оплатить в том числе «морковкой и свеклой» (т. е. сельхозпродукцией), появились в шести сельских районах Республики Мордовия. До первой версии государственной программы цифровизации было еще два года. Мы сравнивали восприятие цифрового телевидения в неоцифрованной еще России и в отдельно взятой Мордовии, в которой появилось «цифровое разнообразие». Оценивали степень проникновения и оснащения населения республики цифровыми приставками. Пробовали понять, как изменилась практика телесмотрения в тех домохозяйствах, которые стали цифровыми пользователями, каким образом происходят приобретение, техобслуживание и настройка оборудования, в чем состоит глубинная мотивация покупателей услуг цифрового ТВ. И уже в этом исследовании – пусть и косвенно – был зафиксирован парадокс, связанный с тем, что практика реального просмотра сельскими жителями Мордовии, многие из которых за свою полувековую жизнь впервые начали без помех смотреть не только «полтора канала», но и дополнительные двадцать, свидетельствовала о привязанности к двум привычным («Первый», «Россия 1»), а вовсе не о росте реальной аудитории «тематических каналов», вроде бы таких желанных и приобретаемых в цифровом пакете². При этом само наличие возможности выбора было принципиальным, а телесмотрение – особенно с уче-

---

¹ А.Г. Качкаева, И.В. Кирия – преподаватели факультета журналистики МГУ, сотрудники Фонда «Образованные медиа» (правопреемника АНО «Интерньюс»). Исследовательские и образовательные проекты Фонда после его закрытия в 2007 году были переданы и завершались в подразделении дополнительного образования «Высшая школа журналистики» ГУ ВШЭ.

² См: Кирия И.В. Восприятие цифрового телевидения в России и Мордовии (отчет по результатам комплексного исследования населения Мордовии в 2007. Исследовательская компания РОМИР) // Цифровизация телерадиовещания: опыт перехода в России и мире / под ред. А.Г. Качкаевой. М.: Элиткомстар, 2008. С. 209–242.

том эффекта новизны – увеличивалось и распределялось между еще пятью-шестью каналами³, но привычные «теле-любимчики» в целом сохраняли позиции.

Через пять лет после неоднозначно оцениваемого с точки зрения затрат, эффективности перехода и будущего «цифрового дивиденда» запуска программы цифровизации и в преддверии уже ожидаемого к 2015 году отключения аналогового телевидения (срок окончательного перехода на цифру все время отодвигался, аналог в итоге отключили в 2019 году), мы – сотрудники и студенты Лаборатории медиаисследований Высшей школы экономики – поехали в российские села, чтобы наблюдать и фиксировать первые изменения зрительских привычек и предпочтений, связанные с цифровизацией (экспедиции проходили в 2012–2014 годах).

Появление в жизни сельских жителей многоканального телевидения, мобильных телефонов, Интернета и т. д. неизбежно должно было не только преодолевать «цифровой разрыв» территорий и расширять информационный выбор (одна из задач госпрограммы «перехода на цифру»), но и, как предполагали сторонники «коммуникационного изобилия», поколебать привычное еще с советских времен господство государственного (а позже федерального) телевидения как главного канала получения информации и развлекательного контента.

Сравнивая популярность телеканалов в различных сельских поселениях в 2012–2014 годы⁴, мы тоже, как и в 2006 году, фиксировали достаточно уверенное положение каналов «первой тройки» – «Первого», «России 1» и НТВ. Это подтверждало наше предположение, что увеличившийся выбор телеканалов не приведет к существенному увеличению разнообразия предпочтений зрителей ни в одном из регионов. Однако уже можно было заметить догоняющую популярность ТНТ и СТС в некоторых областях и республиках, прежде всего в Ростовской области⁵. В этой же области и Республике Татарстан мы отмечали также сохранявшееся еще тогда большое влияние регионального вещания. В том числе и из-за цифровизации, которая была неизбежна, но могла реализовываться и по другим сценариям, завершилась бурная тридцатилетняя эра «регионального телевидения» и так называемых телевизионных сетей, которая началась после перестройки, пережила стремительный расцвет в 1990-е (более 3 тыс. вещателей), несколько трансформаций (независимости, технологий, передела собственности, бизнес-моделей, регулирования) в первое десятилетие нового века и обрела нынешние гибридные контуры: немногочисленные независимые коммерческие вещатели, которые не потеряли аудиторию с переходом на цифру, развивая одновременно вещание на разных платформах (кабель, спутник, Интернет), губернские и республиканские каналы и холдинги (всего – около 1000 вещателей), региональные филиалы ВГТРК во всех субъектах федерации (89). Общерос-

---

³ При постоянно фиксируемом в последние годы снижении телепотребления (особенно в городах-миллионниках) именно население сел и городов с населением менее 100 тыс. человек стало важнейшей аудиторией и для коммерческих вещателей, и для рекламодателей. Первые прогнозы и результаты медиаизмерений в этих регионах свидетельствовали, что телесмотрение «в глубинке» (а это почти половина населения страны – более 75 млн человек) в среднем выше, чем по стране, в том числе за счет детей и молодежи. См. подробнее: Медиаизмерения в 2020 году // Телеспутник. [Электронный ресурс]. <<https://telesputnik.ru/materials/tsifrovoe-televidenie/article/mediaizmereniya-v-2020-godu/>>; Mediascope представила первые данные телеизмерений по всей России // Mediascope. [Электронный ресурс]. 08.10.2019. <<https://mediascope.net/news/1072380/>>; Mediascope пересчитает зрителей в деревне // Mediascope. [Электронный ресурс]. 07.03.2018. <https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/03/2018/5a9fc3fa9a79479fddc36407>; для всех – дата обращения 20.01.2021. Телепотребление во всей стране ожидаемо выросло во время пика пандемии коронавируса весной 2020 года.

⁴ Ситуация могла незначительно измениться после введения двух мультиплексов в 2019 году и после того, как главный поставщик телеизмерений *Mediascope* начал впервые собирать данные телесмотрения в малых городах с населением менее 100 тыс. человек и селах (1 августа 2019 года), а Национальный рекламный альянс стал продавать рекламу на их основе (1 января 2020 года).

⁵ Первые данные (весна 2020 года) после перехода на новую измерительную модель показали, что среди главных бенефициаров расширения панели до малых городов и сел оказались телеканалы НТВ, ТВ-3 и «Пятница», а также РЕН, СТС и «Домашний», получившие в 2020 году двузначный рост рейтингов. Крупнейшие же федеральные каналы «Первый» и «Россия 1» расширили аудиторию всего на 4 %. Чтобы привлечь зрителей малых городов, некоторые каналы, до сих пор ориентировавшиеся на мегаполисы, наращивают объем отечественного контента. См.: Афанасьева А. Телеканалы не узнали зрителей // Коммерсантъ. № 62. 7.04.2020. <<https://www.kommersant.ru/doc/4315791>>; дата обращения 20.01.2021.

сийского ТВ регионов не появилось: от «регионального» канала в пакете первого мультиплекса отказались (первоначально планировался), «третий» – так называемый региональный/муниципальный мультиплекс – так и не был создан. В эфире Общественного телевидения России (ОТР), которое входит в первый цифровой мультиплекс как общедоступный канал, выделены «окна» для «региональных врезок». Но как именно после отключения аналогового телевидения смотрят и воспринимают в регионах оставшееся местное телевидение, распределившееся по разным цифровым платформам, – разговор отдельный и тема для будущих исследователей.

Многоканальное телевидение и массовый доступ к Интернету могли повлиять на художественные вкусы, способность критически мыслить и строить планы на будущее или по крайней мере внести коррективы в привычный медиауклад.

Еще одним важным фактором оказались годы исследования. Хотя оно и не было очень долгим, между началом (2012 год) и окончанием (2014 год) первых четырех волн произошли значимые политические события, оказавшие большое влияние на содержание передач федеральных телеканалов, и прежде всего выпусков новостей. Боевые действия на востоке Украины существенно повлияли и на политическую риторику информационного телевидения, и на общественные настроения российских зрителей. Мы видели, как меняется их отношение к информационной повестке дня и общественное настроение в целом. Но для того, чтобы доказать, что изменились они именно под влиянием политических событий, мы должны были провести исследование в одних и тех же регионах до начала военных действий на востоке Украины и после них. Это не входило в наши исследовательские задачи, поэтому мы продолжили исследование по ранее намеченному плану. Однако отдаем себе отчет в том, что сопоставление дискурса сельских зрителей 2012 и 2014 годов не корректно без учета вышеизложенных факторов.

В 2020 году, когда мы завершили эту книгу, страна полностью перешла на цифру. Слово «цифровизация» стало привычным и даже «замылилось», его «приставляют» к любому развитию и названию, «цифровая экономика» – теперь общее место. Глобальный сдвиг из физического пространства в цифровое, случившийся из-за пандемии COVID-19, заставил миллионы прильнуть к многочисленным цифровым экранам и осознать трансформационную роль технологий и будущего через призму «цифры».

Тем важнее оставить для истории начавшиеся когда-то изменения, чтобы – если такая возможность появится у нас или у новых поколений исследователей – зафиксировать очевидные или неочевидные культурные перемены в разных «цифровых» Россиях.

«Оцифрованная» память

Для того чтобы зафиксировать начинающиеся изменения, мы разработали методику исследования, которую опишем ниже. Но кроме проведения исследовательских работ, мы еще и просто разговаривали с людьми. И эти беседы дали нам не меньший материал для размышлений, чем полученный набор социологических данных. Почти любой вопрос о любимых фильмах и телевизионных передачах, об актуальных новостях и общественных проблемах мог стать для наших собеседников поводом поговорить о жизни: о прошлом, о своих обидах и страхах, о надеждах и разочарованиях. В эти моменты интервью превращалось в монологи, к которым – и спустя несколько лет после экспедиции это все более очевидно – можно относиться как к эго-документам.

Сегодня с подобными текстами работают не только исследователи (историки, лингвисты, социологи, антропологи и др.), но и писатели, драматурги, режиссеры. Благодаря им, формируется культурная (в том числе «цифровая») память. В рассказах наших собеседников мы увидели и обрывки коллективных воспоминаний, сконструированных государственной идеологией и тиражировавшихся советским кино и телевидением⁶, и клишированные формулы из консервативных СМИ, в которых выражается социальная травма, связанная с распадом СССР, и личные и семейные воспоминания, дающие возможность разглядеть сложную, противоречивую и часто трагическую историю крестьянского сословия в XX веке.

Тексты наших интервью часто трудно читать. В них много повторов и сумбура, много клише из официального дискурса, в частности транслируемого школой и средствами массовой информации. Мы полагаем, что в них тоже проявляет себя язык-свидетельство [Агамбен, 2012]. Этот язык, по мнению исследователей, вытесненный из официального языка построения позитивной российской государственности, становится языком вытесненной субъективности [Вайзер, 2016].

Мы будем многократно цитировать фрагменты этих диалогов и монологов в тексте книги, пытаясь объяснить с их помощью кажущиеся нам не очевидными привычки и предпочтения, эмоциональные оценки и неожиданные выводы наших собеседников, которые нам удалось зафиксировать. В большинстве своем эти цитаты будут относиться к медиапрактикам, потому что мы исследовали в первую очередь современные формы медиакommunikаций, предполагающие как необходимое условие определенный уровень медиаграмотности пользователей.

Мы ставили перед собой задачу – зафиксировать изменения медиапрактик, а знания, эмоции, историческая память и т. д. были лишь контекстом для разговоров. Но этот контекст кажется нам важным, поскольку подтверждает невозможность выхода на новый уровень модернизации только за счет преодоления технологических диспропорций между регионами, только за счет облегчения доступа людей к информации. Не пережитые исторические и социальные травмы наслаиваются друг на друга, а социальная жизнь не развивается, материальные и культурные блага не дают человеку ощутить «субъективное благополучие» (включающее в себя

---

⁶ Тому, что думали и как оценивали телевидение горожане-телезрители и горожане – активные пользователи Интернета, было посвящено исследование 2007 года (трое из нас – А. Качкаева, И. Кирия, С. Давыдов – были его участниками). Обычные люди два месяца смотрели телевизионные программы разных жанров и разных каналов. Для сбора мнений использовались электронные фокус-группы, дискуссионные фокус-группы (с модератором), личные интервью, онлайн-дискуссии. Полученные размышления «обыденных критиков» и их результаты читали профессиональные медиакритики – культурологи, социологи, журналисты. Подробнее – в двухтомнике «Российское телевидение: между спросом и предложением», в котором представлены основные результаты научных проектов Фонда «Образованные медиа», завершенных на базе ГУ-ВШЭ в 2007 году. В основу книги легли итоги двух исследований – проекта «Обыденные телекритики» (проводился совместно с Фондом «Общественное мнение») и «Контент-анализа телевизионного эфира федеральных российских каналов» (проводился в сотрудничестве с компанией ГФК «Русь»). См.: Российское телевидение: между спросом и предложением: в 2 т. / под ред. А.Г. Качкаевой, И.В. Кирия. М.: Элиткомстар, 2007.

счастье). Чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие, ниже самооценка и уровень доверия к миру.

К тому же привычная нынче «неизбежность цифры» несколько затмевает разговор о как будто бы предопределенном будущем с удобствами технологий, автоматизации и онлайн всего, но очевидными проблемами для частной жизни и гражданского общества, когда понятия личной свободы, приватности, памяти, жизни и смерти существенно меняются. Наши собеседники и их «зачарованные» места обитания – часто иллюстрация и необходимое напоминание о сложнейшей проблеме «цифрового неравенства» (и инфраструктура, и доступ к ней, и навыки), необходимости цифровой безопасности, цифровой и медиаграмотности.

Как устроена эта книга?

Это не совсем академическое исследование. Не всем авторам этого сборника комфортно в рамках традиционной научной литературы. Мы, разумеется, старались придерживаться научных (хотя и не одинаковых у всех авторов) подходов к описанию и интерпретации результатов исследования. Но внутри аналитических текстов, которые писались иногда спустя долгое время после завершения экспедиций, есть достаточно много эссеистических фрагментов – наших впечатлений и воспоминаний, размышлений об увиденном и услышанном – с россыпью цитат из «живых» интервью. Это «голоса» наших героев. Вот почему книгу мы начинаем с самых ярких фрагментов личных воспоминаний наших собеседников, создающих атмосферу, в которой они выросли и живут большую часть жизни.

А. Качкаева, А. Новикова

Источники

Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / пер. с ит. М.: Европа, 2012.

Вайзер Т. Травматография логоса: Язык травмы и деформация языка в постсоветской поэзии // Настройка языка: управление коммуникациями в постсоветском пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 40–66.

Воспоминания

Бабушка говорила, что мы родом приближенные к царскому двору. При царице были отлучены от царского двора, а приблизил ко двору Петр Первый. Родом с Астраханской области мы. За заслуги перед Россией Петр Первый, значит, старшему брату дал землю в Псковской области, среднему под Ярославлем, а младшему под Нижним Новгородом. Ну и вот старший брат женился на какой-то дальней-дальней родственнице, и были они поставщики продуктов царского двора. У нас еще долго шкатулка у бабушки была такая железная, поставщик царского двора. <...> Старшая бабка тоже была родовая купчиха, сибирячка. А другая была ссыльная, тоже дворянка. И вот они втроем сходились, чай пили, разговаривали, у них такая речь была – витиеватая, приятная. А рядом жила еще одна старуха. Она была уголовная, родовая была у них такая. Эти три разговаривают, у нее все уголовщина, говор-то идет... Интересно наблюдать.

Пожилый мужчина, Иркутская область, село Середкино

У нас была русская деревня. Папа, когда приехал, он в деревне один был татарин. Они сначала как-то присматривались, а потом уже стали уже все: «Камиль! Камиль!» Уже – друг. Ну вот просто уже знать начали. Оказывается, хорошие люди. Приняли к себе. <...> У нас все вместе. У нас дружно живут. И русские, и чувашки, и мордва у нас. Я замужем за русским. Потом у меня знакомые подружки – чувашки. Очень хорошие люди, работающие.

Пожилая женщина, Республика Татарстан, деревня Данауровка

Мать у меня с Украины была. Она по вербовке приехала, ей было 12 лет. И вот остались здесь. Мама замуж вышла. До войны еще это было, ну плохо там [на Украине] жилось. А тут коров давали, поросюшков двух давали. Ну и вот, много семей приехало, в Кортее мы жили. В Кортее там деревня. Она развалилась уже. И вот я самый младший в семье. Ну и вот остались здесь. Мы маленькие, я-то послевоенный, считай. Отец инвалид пришел в 1944-м зимой. Я вот 28 декабря родился в 1944-м. <...> Как раньше мне отец рассказывал, коренной в Кортее был ссыльный какой-то, бурят Кортыйга. Фамилия у него Кортыйга. Вот он поселился в Кортее, и стала деревня Кортыйгей. <...> Все-то деревушки тогда небольшие были, 10–12 домиков, вот тебе и хуторочек-деревня.

Пожилый мужчина, Иркутская область, село Середкино

Мне в пятый класс надо было идти. А тетя на одной кровати лежит [больная], мама на другой. Старший брат в армии, сестра одна работала. Я все экзамены сдала, ровесники в пятый класс пошли, а меня не пустили. Мама уборщицей в школе работала и болела. Потом сказала, чтобы я пошла вместе с ней работать. Там три печи было, полы шаркались. Она потом долго болела, потом уехала в больницу к брату, а оттуда ее в гробу и привезли. Когда мне восемнадцать лет было, просватали меня. Никакой любви. Я его не знала, и он меня не знал. У него матери не было. Брат работал с ним. Они одного года – 1933-го. Работающий парень – да и ладно.

Исследователь: Было какое-то время, когда вам лучше жилось?

Рассказчица: Нет, никогда. И в детстве, и замужней. Мне 45 было, когда Мити [мужа] не стало, а детей-то растить надо было.

Исследователь: Советская власть вам помогала?

Рассказчица: Пенсию получила 56 рублей на четверых [детей].

Пожилая женщина, Иркутская область, село Середкино

Конечно, жить в советское время было легче, гораздо. Хоть и говорят, что мяса не было, колбасы не было да очередь была. Да это специально все сделали! Перевели нас на талоны в последние годы, чтоб люди подушились в очередях и были рады потом этому капитализму [перестройке], я так считаю. И мясо, и колбаса в буфете шахтерском были... Подойдешь, там всегда 300 грамм варенки тебе дадут и копченой палочки дадут. Вот это вот – брешут и брешут, что было плохо.

Пожилая женщина, Ростовская область, поселок Белая Калитва

Отец, я знаю, по переселению переехал, в 1955–1956 годах, когда в Белоруссии была вот эта разруха после войны. <...> Он приехал не один, они приехали как бы кланом. Бабушки, дедушки, если родство у нас тут соблюдать, то бабушки-дедушки, потом дяди-тети и так далее. А моего мужа родители в Читинской области жили. Вот там он родился и там отец его умер уже в городе Ангарске, когда мы переехали... Райком партии его [мужа] направил работать сюда сначала главным инженером. Ну, он молодой, все это очень трудно для него было. Такой директор был крутой, как говорят, человек – Назаров. Может, про него говорили вам, да? Вот он не смог с ним работать, молодость, туда-сюда. И поэтому долгое время работал инженером уже по технике безопасности. <...> Потом, в 1992 году, здесь поставили колбасный цех. И уже он два года почти проработал начальником этого колбасного цеха. И парторгом тут его выбирали. Потом, когда вся эта партия ушла у нас коммунистическая... Рассыпалась и рассыпалась. Плакать, конечно, никто из-за этого не стал.

Женщина средних лет, Иркутская область, село Середкино

Родители жили бедно. У меня папа учитель. Я училась в педучилище. <...> У меня были туфли черные. Они уже такие страшные стали. Я приду домой, их намою и лаком покрою. Лак-то для дерева был у отца. Они высохнут – красивые! Как новые блестят, все хорошо. Иду в училище. Знаете, как иду? На носочках иду. Чтоб не сломались они у меня вот здесь. А если здесь потрескается, уже некрасиво будет. Я до остановки иду – тихо-тихо, чтоб не потрескались. Ну, там доходишь, приходишь – они опять уже никакие. И опять с них сдираешь это все. И опять заново. Вот так вот жили. Кошмар.

Женщина средних лет, Республика Татарстан, деревня Данауровка

Мне нравится, когда уютно и приятно. Раньше это было у всех. Не было такого, чтобы были неухоженные дворы. Разве что люди неблагополучные, а так все были ухоженные. Не было травы, например, и во дворах, и за дворами. Люди дворы, заборы красили. Все было уютно, все было красиво. Я вот прохожу, думаю: вот тети с дяденьками встали бы [из могил] и посмотрели на свои дворы. Они были бы в шоке. Я вот помню, как они ухаживали, как все это было в порядке. И что теперь стало? Я не могу понять, почему это происходит?

Женщина средних лет, Ростовская область, поселок Белая Калитва

Леночка родилась прямо под стройку. Мы только купили подводу. И я забеременела. И как бы сказать, вот Бог помог, и все. И роды у меня были просто сумасшедшие. <...> После в травматологию – и неподвижности полтора месяца, лежишь там, как бревно. Я подумала, что же ее с первого дня жизни от груди отнять? А во-вторых, думаю, ну кто за ней будет ухаживать? Некому. Бабушек у нас, можно сказать, нету. Ему [мужу] работать надо, кто-то нас должен кормить. Я расписочку написала, что за меня не отвечают. <...> Первое время было больновато. Я очень осторожно ходила. И ничего, с Божьей помощью. Построились, и девочка выросла.

Женищина средних лет, Ростовская область, поселок Белая Калитва

Поймите правильно. Когда началась эта передрыга вся – перестройка, – когда наши татары тоже хотели быть татарами. Глупость такую делали. Быстро это закончилось, года три-четыре была такая вот агрессия со стороны русских, со стороны татар. Потом все это успокоилось, и я даже могу сказать, что поступают по-хитрому. Вот здесь через два участка участок есть. У татарской семьи дочь и сын. Так отец что сделал: дочку за русского, а сына... (*смеется*). В общем, поменял. То есть все равно сближения ищут.

Пожилый мужчина, Республика Татарстан, деревня Данауровка

Вот раньше, когда я маленькая была, мы все жили как-то одинаково. А сейчас который не учился, ничего не делал, а у него все есть, он миллионером стал. А ты училась, всю жизнь в грязи проковырялась, а ничего не добилась. Я не говорила, что я там плохо живу, нет. Я хорошо живу, слава Богу. Но позволить себе, вот сейчас бы сказать, поехали на море, я не могу. Либо мне надо в течение года отменить какие-то планы там, проходить в старом пальто, не купить сапог сыну – и вот это все сложить, тогда и ехать.

Женищина средних лет, Костромская область, сельское поселение Угоры

Впечатления

У нас выходной – самый лучший рабочий день. Лучше на работу ездить в лес, чем дома. Дома дел по хозяйству больше, чем на работе. <...> Это хорошо жить в городе в квартире – пришел там, ну ладно, для мужика там, розетка сломалась. А тут... заборы падают, там не окошено, там скотина вон валяется не кормлена. <...> Охота бы, конечно, чтобы сельское хозяйство подняли, чтоб государство как-то помогло, чтоб не только с тебя спрашивали.

Мужчина средних лет, Костромская область, сельское поселение Угоры

Переживаю очень за Украину. Вот за таких людей, как мы. Которые хотят мира. Которым не нужна эта война... вот эти вот все. Тут же явно видно, что их просто угнетают, сами понимаете. Если простой народ [украинцы], вот такие, как мы, которые хотят просто мирно жить, – то и за них тоже. Они тоже нашей веры, тоже так же их угнетают, сами знаете, что с ними там делают. В каком-то плане их хотят тоже поработить, навязать что-то, а им это не нужно.

Пожилая женщина, Республика Татарстан, деревня Данауровка

Мы выйдем с соседями, обсуждаем проблему. Говорим, что надо порядок навести. Они соглашаются. Все соглашаются, но никто не хочет делать. Посадили на той стороне деревья, купили черешню хорошую. Пусть растет черешня, дети будут идти и обрывать. Проходят люди, кто-то говорит: вот молодцы! вы там деревья посадили. Будет приятно ходить по улице. Кто-то идет: вам что, делать нечего? вы тут занимаетесь непонятно чем!

Женщина средних лет, Ростовская область, поселок Белая Калитва

Я думаю, во вселенной таких планет, как наша, много. Много солнечных лет до них лететь. Я думаю, на той стороне солнца наверняка есть такая же, как мы... ну, может, говорят, не как мы, давление не такое... может, меньше люди, может, выше. Но все равно, я думаю, есть. Не мы же одни живые, есть что-то еще. Вот эти, допустим, летающие тарелки. Конечно, я не видел их, но передачи я смотрю. <...> Встретиться с ними очень приятно, пообщаться, а почему бы и нет? (Смеется.)

Пожилый мужчина, Костромская область, сельское поселение Угоры

Надо признать, что нашей исследовательской команде тоже иногда казалось, что мы прилетели в это «зачарованное место» на летающей тарелке. Но в другие моменты мы отчетливо понимали, что это и есть одновременно и наше прошлое, и наше настоящее, и часть будущего. Что наши собеседники во многом похожи на наших родителей и бабушек с дедушками. И нам очень трудно полностью отстраниться и сохранять дистанцию. Эта «двойная экспозиция» сохранится и в тексте книги. Наши личные «голоса» нам тоже кажутся важными и ценными, они тоже эго-документы, отражающие живущие в нашей голове мифы о том, какой должна быть сельская Россия – «другая Россия» – зачарованное место, где настоящее никак не может проститься с прошлым.

Предисловие второе. Научное

Наше исследование задумывалось как научная рефлексия по поводу модернизационного дискурса о цифровом телевидении. В результате государственной многомиллиардной реформы к концу второго десятилетия XXI века в любой деревне, где раньше телевизор принимал в лучшем случае два канала с рябью, должны были стать доступными в качестве HD минимум 20 цифровых телеканалов. По мнению сторонников, это должно было обеспечить сельским жителям «поставку» городского образа жизни и «открытие» сознания.

Понимая, что любые обещания за столь короткий срок при помощи какой-либо технологии изменить сознание людей являются чистой воды технологическим детерминизмом, зная, насколько сложно, комплексно, нелинейно осуществляется влияние медиа на людей, мы считали важным с помощью медиатеорий и эмпирических исследований показать невозможность «победоносного шествия» городской медиатизированной культуры в сельской среде. Мы исходили из того, что в ситуации неопределенности, характерной для современности в целом и находящей отражение в современной медиасреде, человек стремится избавиться от состояния когнитивного диссонанса [Фестингер, 2018]. При этом городские жители обладают гораздо более широким, чем жители сельской местности, набором досуговых практик, позволяющих им преодолевать это напряжение. Это приводит к тому, что последние имеют, как правило, более низкий уровень адаптивности к изменениям, чаще пытаются избавиться от страхов, связанных с неопределенностью настоящего и будущего, с помощью привычных (можно даже сказать – ритуальных) способов медийных и интерперсональных коммуникаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.